18+

Александр Дегтярёв

Командирами не рождаются

повесть

Александр Дегтярёв

Командирами не рождаются. Повесть

«Издательские решения»

Дегтярёв А. Н.

Командирами не рождаются. Повесть / А. Н. Дегтярёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839139-2

Лейтенанты возмужали, экипажи прошли необходимую закалку, но не все… Отдельным коллективам только предстоит познать тяжёлую науку побеждать, другим возродиться вновь. При этом побеждать придётся прежде всего себя, своё малодушие, гордыню и простую человеческую глупость. Правду говорят, что командирами не рождаются. Но, однажды взявшись за ручки командирского телеграфа, обратной дороги уже нет. «Почему?» — спросит любознательный читатель. Об этом и многом другом вы узнаете, прочитав повесть. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-839139-2

© Дегтярёв А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Невыдуманная история 6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НЕКАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ 8
I. Лодка отстоя 9
II. Ревность не порок 13
III. Якорь Холла 14
IV. Такси на гауптвахту 17
V. Вера, надежда и любовь 23
VI. Невезучий Гарри 25
VII. Шевалье де Сенгальт 28
VIII. Командирское решение 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Командирами не рождаются
Повесть

Александр Николаевич Дегтярёв

«У подводников офицеры, старшины и матросы питаются одним и тем же пайком с одного камбуза. Казалось бы это мелочь. Но нет! Это имеет большое моральное значение. Экипаж лодки – это одна большая семья, когда от каждого зависит успех в бою и жизнь всех его членов

Создать по-настоящему профессиональный, дружный и сплочённый коллектив – сверхзадача для каждого офицера, назначаемого командиром, но в действительности решить эту задачу удаётся не каждому».

Капитан второго ранга Александр Островский[1]

Редактор Виктория Тонковид
Корректор Валентина Куртяк

© Александр Николаевич Дегтярёв, 2017

ISBN 978-5-4483-9139-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Невыдуманная история

В 1995 году, узнав о трагической гибели друга и сослуживца по Б-24 Александра Ивановича Ховричева, сыгравшего в моей жизни не последнюю роль, я решил написать серию рассказов о подводниках, живущих ныне и ушедших от нас навсегда, которых я когда-либо знал.

О нелёгкой и не всегда однозначной жизни военных моряков и их семей, об особом состоянии души этих замечательных людей написано немало, но в основном это труды советского периода, в которых роль КПСС и её идеологов зачастую настолько гипертрофированы, что затмевают истинные человеческие ценности и лица настоящих героев. В наше время писать о мужестве людей в погонах стало непопулярным, если не сказать ущербным. Наверное, поэтому придуманные на ровном месте небылицы и откровенные гадости о флоте, рассказанные отдельными несостоявшимися «флотоводцами» и выпущенные миллионными тиражами, стали сегодня единственным источником «знаний» о службе в ВМФ. По ним снимают фильмы, ставят спектакли…

Опыта прозаика у меня не было, поскольку, начиная с детства, я увлекался только сочинением стихов, и те, как правило, читал в узком кругу друзей. Не имея заинтересованных спонсоров и поддержки со стороны творческих союзов, членом которых я никогда не состоял, осуществить намерения с первой попытки не удалось. Задуманное пришлось отложить «до лучших времён».

После гибели атомной подводной лодки «Курск», на которой ушли в века не только прекрасные люди, подводники и патриоты, но, в их числе близкие мне – Владимир Багрянцев и Геннадий Лячин, я окончательно решил написать повесть о жизни подводников и обязательно опубликовать её.

В 2004 году во время концерта Калининградского музыкального коллектива «Песня спутница» мне посчастливилось встретиться с замечательным человеком, поэтессой, композитором и исполнителем прекрасных лирических песен Зоей Александровной Куприяновой, долгие годы руководившей этим коллективом. Именно она стала моей «крёстной» на пути в литературное завтра. Благодаря Зое Александровне и руководителю Калининградской региональной общественной писательской организации «Союз свободных писателей» Герману Петровичу Бичу мои рассказы стали печатать в альманахе «Янтарные россыпи». В 2005 году небольшим тиражом вышла книга «Третий тост», куда вошли несколько рассказов и около пятидесяти стихотворений.

Интересная встреча, состоявшаяся в 2006 году, круто изменила мои намерения и заставила взяться за создание сначала повести «Безопасная глубина», а в последующем и романа «Лодка», с продолжением которого я сегодня начинаю знакомство читателя.

На презентации книги «Третий тост», с просьбой об автографе на экземпляре её книги, ко мне обратилась незнакомая молодая женщина В ходе короткой беседы она задала вопрос, который меня сильно потряс:

– Откуда вам известна судьба моего мужа и нашей семьи, мы ведь с вами не знакомы?

– Какого мужа? – удивился я.

– Александра Дербенёва, – спокойно ответила женщина и подала свой паспорт.

Каково же было моё удивление, когда прочитав документ, я узнал, что передо мной стоит Татьяна Дербенёва, но самое удивительное, было потом – в разделе «дети» значилась дочь: Людмила.

Я не знал что ответить женщине, потому что действительно не был знаком ни с ней, ни с её семьёй, а образы Александра Дербенёва и его близких писал с себя и своей семьи…

– А кто ваш муж и где он сейчас? – поинтересовался я, собираясь с мыслями.

– Капитан-лейтенант Дербенёв служит на Севере, на одной из подводных лодок, – с грустью ответила Татьяна.

– Позвольте, – немного приходя в себя, ответил я, – но «мой» Дербенёв служил на подводных лодках во второй половине прошлого столетия, а не сейчас?

– Вот я и говорю, что это не соответствует действительности, – возмущённо заметила Дербенёва.

Неподдельная искренность читательницы и совпадение судеб подводников, в разные времена исполнявших сыновний долг перед Отечеством, заставили меня задуматься о романе, а точнее трилогии, работу над которой я продолжаю и сейчас. Сразу оговорюсь, в основе всех трёх романов лежат события, действительно имевшие место в жизни, но подвергшиеся небольшой авторской обработке.

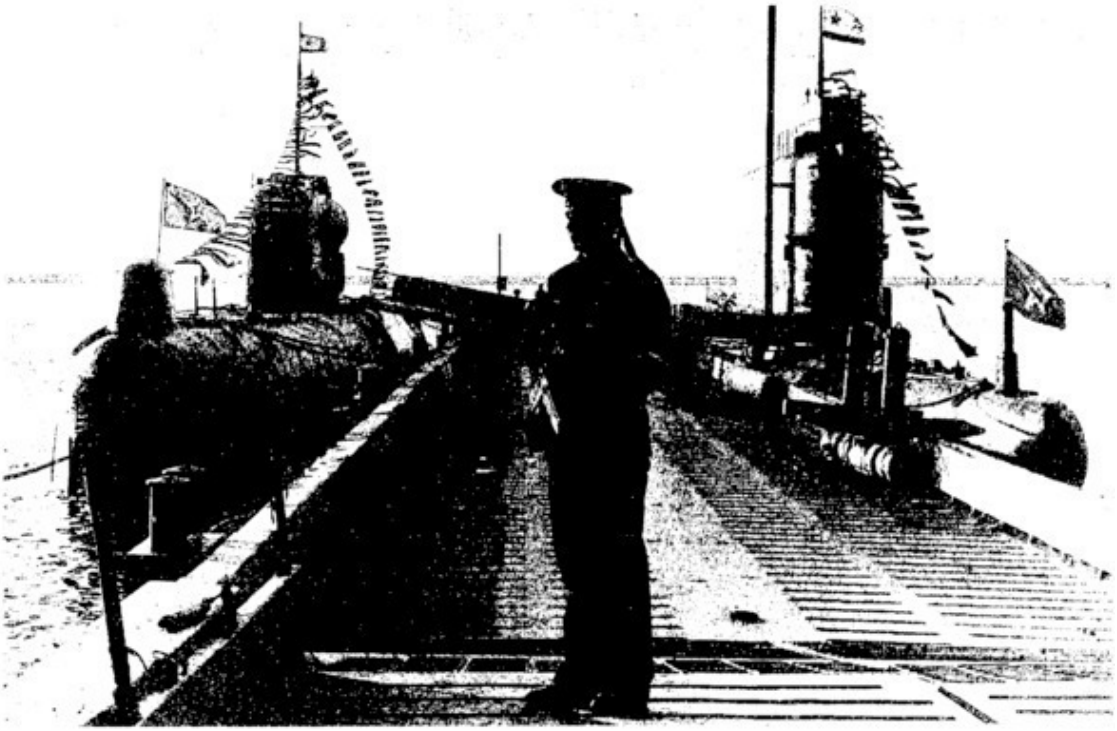
В представленной повести, как и во всей трилогии тесно переплетены судьбы страны, флота, «железа» и, самое главное, людей. Молодых и не очень, в погонах и без таковых. Семью читатель увидит в двух различных по содержанию, но одинаковых по смыслу значениях. Это и привычная, знакомая всем нам с рождения – «ячейка государства», со своим укладом, и, непривычное для большинства людей представление об экипаже как о семье.

На фоне возрождения экипажа «Б-181», с момента начала ремонта и подготовки лодки к предстоящему походу, когда на борту «процветают» все прелести «вольности казацкой», до самой боевой службы, в сложных, нередко драматических условиях противоборства с реальным противником, подводники демонстрируют чудеса выдержки и самообладания. Крепнут характеры молодых матросов и офицеров, растёт их профессионализм. Даже трагическая гибель командира в штормовом море не разъединяет экипаж, а наоборот высвечивает лучшие качества его членов. Невзирая на разность возрастов, характеров, уровней образования, социального положения и даже убеждений, читатель без особых усилий обнаружит единый монолит подводного братства.

Кто они – молодой старпом Дербенёв, мужание которого происходит вместе с экипажем и ракетчик Грачёв, офицерская честь и чувство долга ставящий выше мирской суеты, хитроватый, «по-медвежьи» неуклюжий замполит Муренко, с его неудержимым желанием всё сделать «как лучше» и матрос Ягмуров, знакомый с творчеством Мандельштама, а также многие другие? Все они члены одной семьи, имя которой – ЭКИПАЖ. И пусть это не совсем семья в традиционном смысле, но у неё тоже есть мудрый и справедливый как мать командир, готовый, когда надо, пожурить или защитить «родных детей» – матросов, мичманов и офицеров.

Единственное, о чём бы я просил читателя, листающего страницы книги, так это не искать совпадений фамилий и судеб, о которых вы узнаете из её содержания. Все фамилии вымышленные, а образы собирательные, хотя и списаны с реально существующих людей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НЕКАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ

Что ж засиделись, пора и всплывать —
К солнцу, ветру и волнам в объятья.
«Поднять все антенны, на быстрой не спать
Спасибо железу и вам мои братья».
Автор

I. Лодка отстоя

1

Подводники свято верят, что лодки, также как и люди имеют свою судьбу. Зачастую железу приписывают тесную связь с конкретным командиром, реже с успешно разбившейся или не разбившейся бутылкой шампанского на заводском стапеле при спуске корпуса субмарины на воду. А между тем содержанием любого железа, его судьбой, если хотите, является, прежде всего, экипаж. В каждой серии подводных лодок того или иного проекта, заводами любой морской державы выпускаются десятки абсолютно «однояйцовых близнецов», а судьбы, как известно, у всех этих железяк разные…

Большая дизель-электрическая подводная лодка с крылатыми ракетами Б-181 не была «однояйцовым близнецом» в серии себе подобных субмарин. От своих «сестёр-двойняшек» она выгодно отличалась необычной для того времени «дальнозоркостью». Заложенная 20 ноября 1963 года на стапелях Горьковского судостроительного завода «Красное Сормово» по проекту 651, достраивалась и была спущена на воду 7 августа 1964 года уже по проекту 651К. А всё потому, что для плрк[2] проекта 651, как и для пларк проета 675 («ревущая корова»)[3], большой проблемой являлось обеспечение целеуказания противокорабельным крылатым ракетам, стоявшим у них на вооружении. Дальность стрельбы этих ракет превышала 400 км, а система целеуказания «Успех-У», которой по проекту вооружались эти лодки изначально не обладала требуемой боевой устойчивостью, особенно при непосредственном противодействии её работе сил противника в удалённых районах Мирового океана, поскольку непосредственно зависела от боевой устойчивости самолётов и вертолётов-целеуказателей. Решить существующую проблему конструкторы попытались за счёт использования искусственных спутников земли.

Однако, после того, как лодку К-181 (с 1978 года «Б-181») достроили по проекту 651К с установкой системы космического целеуказания «Касатка – Б», оказалось, что отсеки корабля чрезмерно загромождены приборами и дополнительными системами обеспечения. Численность экипажа, при этом увеличилась на группу целеуказания: из нескольких матросов, одного мичмана и одного офицера. В результате этих изменений обитаемость второго и третьего отсеков лодки значительно ухудшились. И всё же, благодаря внесённым в проект изменениям, лодка стала более «зрячей», способной «видеть» противника, не только за горизонтом, но и через материки – на всю дальность стрельбы ракетами и даже сверх этого.

Но всё задуманное как правило хорошо в замысле! А действительность оказалась куда прозаичнее. После перебазирования в 1981 году с Северного на Балтийский флот, Б-181 не подвергалась ни одному заводскому ремонту, правда и боевых задач в океанской зоне тоже не решала, также как и Б-124 длительное время находившаяся в среднем ремонте.

В течение пяти лет за всех «отдувалась» Б-224, ежегодно, а иногда и два раза в год попеременно нёсшая боевые службы то в Северной, то в Южной Атлантике.

За глаза, экипажи плавающих лодок эскадры регулярно решавшие задачи автономного плавания в море и боевого дежурства в базе, такие лодки как «Б-181» называли «отстоем».

– Товарищи подводники, – Дербенёв, словно вторя убывшему в отпуск командиру, акцентировал внимание на слове товарищи, – особого времени на раскачку нет, лодке поставлена задача: через семь месяцев выйти на боевую службу. Работы предстоит очень много…

---

[2] Плрк – общепринятое сокращение: подводная лодка с крылатыми ракетами.

[3] «Ревущая корова» – (морской сленг) – неофициальное, но общепринятое название проекта, связанное с большой шумностью лодок.

Дербенёв, возмужавший за годы лейтенантства как офицер, ещё неуверенно чувствовал себя в новой должности и только сейчас это понял по-настоящему, когда десятки глаз впились в его обыкновенное человеческое «я» с надеждой на то, что именно от него зависит всё или почти всё, как минимум на ближайший доковый ремонт.

Только вчера прибывший к новому месту службы молодой старпом стоял перед строем экипажа на стенке сухого дока и откровенно нервничал. Ему казалось, что он делает и говорит всё нескладно и невпопад, а жестикулирует и вовсе угловато, это видят подчинённые и где-то в душе даже смеются над его «командирским» тоном.

На самом деле всё было немного не так. Например, всему экипажу сразу бросилось в глаза могучее, рвавшееся из-под кителя накачанными мышцами тело молодого старпома, а гусарский рост и немного тесноватый китель, сидевший на старпоме как хорошие рыцарские латы говорили о том что Дербенёв совсем не «слабак». Да и речь старпома перед строем была вполне связной и понятной каждому.

Октябрьский день, один из многих осенних прибалтийских дней сегодня отличался какой-то необыкновенной морской свежестью и тишиной. Дербенёв даже заметил, что листья на деревьях поменяли окраску, а «шевелюра» берёзок, гурьбой окруживших будку докмейстера[4] и вовсе поредела…

Немного пообвыкнув в ораторском статусе, Дербенёв, вдруг, обрадовался отсутствию командира. «Меньше лишних глаз – меньше опеки» – подумал Александр, а в ушах, только что назначенного офицера, погоны которого ещё не забрызгивали волны командирских вахт, как приговор звучали слова Зайкова: «в море – я ваша мама и вы мои дети, а на берегу вашей мамой является старший помощник командира».

Александр очередной раз осмотрел строй, словно ища поддержки и понимания у подчинённых, во всяком случае, офицеров, многие из которых ещё вчера были просто его товарищами. Но строй, как заворожённый, молча, наблюдал за действиями «новоиспечённой мамы».

– Кстати, – Дербенёв вплотную подошёл к штурману Стоянову и негромко поинтересовался: – а где у вас, Александр Васильевич, боцман Петров? Что-то не наблюдаю я его на утреннем построении.

– Боцман Петров, Александр Николаевич, вместе с мичманом Соломенным с утра очередь заняли на шкиперские склады, за краской, суриком, расходными материалами и спиртом, «шилом» значит…

– Понятно всё, кроме одного, я снабженца Соломенного никуда не направлял, – Дербенёв с недовольным видом повернулся к стоящему на мостике корабля дежурному офицеру: – Как прибудут эти «вольные художники», обоих сразу ко мне.

– Есть! – громко ответил стоявший дежурным по кораблю, капитан – лейтенант Грачёв и тут же добавил – Товарищ командир, до подъёма военно-морского флага пять минут.

– Есть! – также громко ответил Дербенёв и устремился на своё место во главе строя.

– Товарищ командир, до подъёма военно-морского флага одна минута.

«Что-то время летит уж больно скоро», – подумал Дербенёв, но услышав очередную команду, не успел посмотреть на часы.

– На флаг смирно-о-о! – Строй замер и Дербенёв тоже. Приложив правую ладонь к фуражке Александр «застыл» в воинском приветствии.

– Время вышло, – объявил дежурный офицер.

– Флаг поднять! – приказал Дербенёв.

На акватории судоремонтного завода раздались многоголосые звуки горна и на мачтах всех кораблей Заводской гавани подняли военно-морские флаги. Начался новый рабочий

[4] Докмейстер – должностное лицо командного состава сухого или плавающего дока.

день – первый для Дербенёва в новом качестве «временно исполняющего обязанности командира подводной лодки».

2

В береговой каюте, под самым сводом «петровских казарм» горели, перемигиваясь неисправными стартёрами и доживающими свой век люминесцентными лампами, две «допотопных» люстры дневного света, настолько плохо освещавшие помещение, что приходилось присматриваться не только во время чтения, но даже при разливе чая по стаканам.

Глаза старшего помощника командира, то ли от усталости, то ли от плохой вентиляции помещения самопроизвольно закрывались, а раскрытая перед ним инструкция по управлению дизельной подводной лодкой явно не желала усваиваться.

Дербенёв, добросовестно упорствовавший над подготовкой зачётов к самостоятельному управлению кораблём даже не заметил, как в каюту вошёл замполит – капитан второго ранга Муренко. Под бликами мерцающего света Борис Фёдорович казался выше своего роста – почти гигантом. И даже лысина, давно обитавшая на его голове не была заметна как обычно. На самом же деле замполит был сложен как под «копирку подводника»: маленький, щуплый и очень шустрый во всех смыслах этого слова.

– И кто кого? – поинтересовался политработник, видя «борьбу титанов».

– Сложно определить, Борис Фёдорович, – времени катастрофически не хватает. Руки до всего не доходят. Умом понимаю, что надо освоить, и усвоить всё, а физически не получается, устаю с непривычки сильно.

– Ничего, Александр Николаевич, с твоим упорством обязательно получится. Помнишь, как тебе тяжело было на первом году службы? Когда мы с тобой в гостинице «Балтика» жили? Помню лейтенант Дербенёв приходил домой только поспать. И что? Сегодня капитан-лейтенант Дербенёв на должности капитана второго ранга и это всего за какие-то четыре с половиной года…

– То, Борис Фёдорович, было давно и не правда. Теперь всё иначе. Та служба и тот экипаж это перевёрнутая страница моей жизни. В ней всё было ясно и понятно, каждый находился на своём месте, и всегда можно было рассчитывать на дружеское плечо. Я же, в нынешнем положении: для одних бывший товарищ, для других ещё «неоперившийся» старший начальник, а на самом деле ищейка какая-то. То сутками вычисляю местонахождение боцмана вместе с пятидесятью килограммами спирта, которые он не донёс до прочного корпуса, то ловлю снабженца и его собутыльников, желающих поживиться «на халяву» из «государевых закромов». А когда дежурю по бригаде, то вместо исполнения прямых обязанностей, воспитываю старшего офицера Попова – дорогого нашего начальника РТС, который параллельно с дежурством по кораблю организует попойку с нижними чинами и вдобавок ко всему учит меня дисциплинарному уставу, согласно которому я не имею права отчитывать его в присутствии всё тех же нижних чинов. Хорошо, что мы в доке, а не на плаву. А то бы не знаю, чем всё это закончилось…

– А разве, Александр Николаевич, воспитание подчинённых не входит в обязанности временно исполняющего командира?

– Может быть, я и не прав по отношению к вашей организации службы на лодке, но мне кажется, что это, прежде всего, ваша обязанность, Борис Фёдорович, – от сказанного в адрес старшего товарища, легче не стало, Дербенёву стало даже стыдно за только что произнесённые им слова.

Муренко немного опешил от столь «зрелых» умозаключений молодого, но скорого на выводы коллеги. Высказанная Дербенёвым мысль явно задела за «живое» замполита, но опытный политработник подчёркнуто вежливо заметил:

– С некоторых пор эта организация службы НАША общая. И что вы имеете против? – с одесским акцентом уточнил Муренко. – Может быть, вам не по нутру сам экипаж?

– Я, Борис Фёдорович не против экипажа Б-181, хотя бы потому, что я теперь его часть. Но мне категорически не понятны регулярные обеды НАШИХ офицеров и мичманов в ресторане «Юра» или пригородном кабачке «Гробиня», которые не без ВАШЕГО участия стали визитной карточкой НАШЕЙ лодки. Даже в те славные времена когда корабль нёс на борту соответствующее вооружение, офицерский состав умудрялся отобедать в злачных местах, забыв о постоянной готовности к выходу в море.

– И это всё? – удивился замполит. – А я-то глупый думал своей лысиной, что претензий гораздо больше.

– Да, нет, Борис Фёдорович, не всё, это только начало…

3

– Что за мальчишеская бравада. На дворе октябрь, а он как пацан с одесского привоза в кителёчке по городку «гусарит»? – Татьяна Дербенёва не на шутку разошлась, глядя на внезапно появившегося со службы супруга.

– Делай выводы офицер: нечего баловать супругу ранним или внезапным появлением со службы. Могут быть неприятности с обеих сторон! – недовольно пробубнил Дербенёв, снимая в прихожей обувь и небрежно бросая фуражку на зеркало.

– Для фуражки у тебя полочка имеется и шкафчик, – заметила Татьяна.

– Как хорошо приходить домой «ни свет ни заря». Все спят и только ты хозяин «Вселенной»… – продолжая возмущаться, Дербенёв прошёл к столу на кухне, – что у нас на ужин лучше скажи, любимая, а то ведь сейчас в «эскадронную» столовую пойду ужинать…

– Ой, как плохо, когда у мужика есть выбор. Правду говорят: не родись красивой, а единственной на всё село…

– А это здесь причём? – не понял Дербенёв, вспомнив как недавно они спорили на тему лишнего веса у замужних женщин…

– А притом, дорогой, что я, конечно, не обеспечу тебе такого разносола, как на службе, но с ужином всё же постаралась. Например, сегодня у нас подают: на первое – картофель отварной с камбалой жареной свежайшего вылова «от соседа», на второе – салат из малосолёных огурцов с луком и чесноком «из Нежина», на третье – пиво домашнее «от Илзы – молочницы». Но если ты ещё раз пойдёшь на службу под дождём и без плаща, я, честное слово тебя поколочу!

– Хорошо, дорогая, я тебя понял, – согласился Дербенёв, располагаясь за столом.

– А если понял, тогда ответь на простой житейский вопрос, —Татьяна лукаво заглянула мужу в глаза. – Соседи предлагают завтра съездить с ними в Клайпеду и посетить «Альбатрос». Могу ли я взять для личных целей из шкатулки книжечку «бонов»[5]?

– А кто с детьми останется? – поинтересовался Александр.

– Кто, кто? Соседку слева попрошу, например.

– А ты хоть знаешь, как её зовут?

Татьяна промолчала, а Дербенёв встал из-за стола и направился к входной двери.

Через несколько минут вернувшись, Александр констатировал:

– Соседка хорошая, молодая, чернявая. Зовут Линой. Педагог, детей доверить можно, хотя своих пока не имеет. Муж потому что молод – старший лейтенант всего. Из ОВРы[6]. А деньги бери. Я ещё заработаю…

– Когда? – не без удивления поинтересовалась Татьяна.

– А вот это, дорогая, военная тайна. Всему своё время…

---

[5] «Боны» – чеки ВНЕШПОСЫЛТОРГА СССР использовались в качестве расчётной валюты для моряков-подводников при плавании кораблей за пределами территориального моря Советского Союза. Средний курс к рублю при покупке «с рук» был не менее 1:10.В одну чековую книжку зашивалось ровно 25 рублей. (Для информации: мужской джинсовый костюм 48 размера фирмы LEE стоил в валютном магазине 9—11 рублей, а французское платье от кутюр: 4—5 рублей)

[6] ОВР – охрана водного района

II. Ревность не порок

Войдя в подъезд Дербенёв, по непонятным для него причинам, поймал себя на мысли, что им овладевает какое-то странное предчувствие. Как ни старался Александр, но так и не смог понять какое это предчувствие хорошее или плохое. Да разве это главное?

Поднявшись на родной «лейтенантский» пятый этаж он почему-то осторожно нажал на кнопку звонка. За дверью ни звука.

«Дежавю, – подумал Александр, – Никого дома нет? Конечно, я же никого не предупредил, что приду на обед…»

Дербенёв не спеша, достал из заднего кармана форменных брюк ключи от квартиры, но дверь вдруг открылась сама и на пороге появилась Татьяна. Раскрасневшиеся щёки и тщательно поправляемый домашний халатик, только что приобретённый в валютном магазине выдавали её волнение.

«Точно дежавю! – Пролетела та же мысль что и минуту назад. – Однажды со мной это уже было! Сейчас войду и на кухне увижу толстяка с пятном на лице»…

– А ты, что же на обед? – удивительно робко поинтересовалась супруга.

– Как видишь, любимая, – довольно громко ответил Дербенёв, проходя в квартиру.

– Тише! Дети нагулялись и спят.

Пройдя в прихожую, Александр заглянул на кухню и действительно обнаружил, что в кухне, за столом, на его «любимом» месте сидит тот самый толстяк…

– Кажется Берзиньш? – уточнил Александр. – Мой тёзка и твой коллега по работе?

– Да… – отвечая за Татьяну, подтвердил заметно полнеющий мужчина, с большим родимым пятном на щеке. – Бывший коллега. Я как раз мимо проезжал и решил проведать…

Мужчина встал из-за стола, на котором помимо двух чашек с недопитым кофе стояла небольшая бутылочка Рижского бальзама.

Александр, словно не слыша ничего и не желая понимать, что в очередной раз происходит здесь – в его квартире, посмотрел на свою супругу и еле слышно вымолвил:

– Действительно бывший, но кто?

Уже на выходе из квартиры Дербенёва догнал оклик Татьяны:

– А как же обед?

– Спасибо, я сыт по самое горло! – грубо, не оборачиваясь, на ходу ответил Дербенёв, спускаясь по лестнице.

«Всё это происходит не со мной, ЭТОГО не может быть!» – молоточками стучало в висках Александра, когда он стремглав выскочил на улицу. «Н-е-е-т!!!» – чуть не закричал Дербенёв, почти пробегая мимо продуктового магазина на улице Мацпана, когда очередная фантазия коснулась его воспалённого воображения.

– Стоп! – сказал он сам себе, вспомнив известное только ему наставление одного уважаемого адмирала о том, что офицер, бегущий по улице, вызывает панику у мирного населения и перешёл на спокойный шаг.

III. Якорь Холла

1

Евгений Иванович Подлесный, не первый год, работавший корабельным строителем и съевший на судоремонте подводных лодок не один пуд соли, не на шутку озадачился проблемой, которую отчасти сам не так давно и породил.

Пойдя на поводу у своего давнишнего товарища Зайкова он однажды создал точную деревянную копию утерянного подводниками, во время шторма, якоря Холла, которая до сего дня «верой и правдой» служила морякам. Но теперь Б-181 стала в ремонт, причём сначала доковый, требующий обследования и ремонта всех забортных устройств и систем, включая цистерны главного балласта, якорное и швартовные устройства и прочие механизмы, а следом и навигационный, в ходе которого предстояло обследовать и отремонтировать: бортовые дизеля, дизель-генератор, кабель трассы и другие жизненно важные механизмы и системы.

Хочешь, не хочешь, а якорь надо менять. Но ведь официально срок его службы не истёк и, если лодка не списывается в утиль, то якорю служить ещё как медному котелку…

2

Несколько лет назад во время шторма Б-181 встала на якорь на внешнем рейде Главной базы флота. Дно моря в тех местах преимущественно ровное, грунт – глинистый ил, местами песок, глубины маленькие, а течения тесно связаны с сгонно-нагонными явлениями[7]. Колебания уровня моря в явлениях могут достигать у берегов до пятидесяти сантиметров, а в вершинах бухт и заливов двух метров.

В таких непростых условиях, чтобы удержать лодку в назначенном для стоянки месте, надо выполнить как минимум два условия.

Во-первых – вахтенному офицеру в дуэте со штурманом необходимо очень внимательно и различными способами контролировать местоположение корабля не допуская даже малейшего дрейфа.

Во-вторых – рулевому боцманской команды необходимо хорошенько потрудиться непрерывно отслеживая состояние носового шпиля, электропривод которого расположен в первом отсеке, не допуская даже малейшего потравливания якорной цепи.

К великому сожалению для экипажа подводной лодки в тот день, всё складывалось не так как хотелось. С самого подхода на рейд Зайковым овладело странное предчувствие беды и он до последнего не хотел становиться на якорь в сложившихся гидрометеоусловиях. Командир неоднократно предлагал управляющему командному пункту оставить лодку в дрейфе, назначив для этого отдельный район, но оперативный дежурный ОВР при поддержке оперативного дежурного флота настояли на своём и Б-181 всё-таки поставили на «яшку»[8].

Ко всем прочим, неожиданностям, были в тот день и вполне ожидаемые события связанные, например, с тем, что через район якорной стоянки, где штормовала лодка, проходили кабели специальной связи между военно-морскими базами и специальные ведущие кабели системы навигационного ориентирования кораблей в сложных навигационных условиях «АВК»[9].

В какой-то момент при смене вахтенных офицеров и вахтенных штурманов в показания приборов контроля местоположения лодки вкралась субъективная погрешность, к сожалению

---

[7] Сгонно-нагонные явления – изменения уровня воды у берегов водоёма, вызванные действием ветра.

[8] На морском жаргоне якорь.

[9] АВК- аппаратура ведущего кабеля. Высокочастотный электрический кабель, проложенный по дну фарватера, для автоматической проводки корабля в гавань излучает сигналы, которые воспринимаются приемником на корабле и, воздействуя на руль через специальное устройство, удерживают корабль над кабелем. Применяется, в военное время, при засекречивании курсов прохода.

не зафиксированная, даже «бдительным» радиометристом. В результате никто не заметил, что лодку стало нести вдоль берега на Север от главного фарватера. Якорь в этот момент играл роль плуга и успешно крошил всевозможные кабели на дне. Когда одна из лап якоря зацепилась за бронированный кабель специальной связи, лодку слегка тряхнуло. Корабль внезапно зафиксировал своё положение и вот тут «бдительный» вахтенный офицер вместе с не менее «профессиональным» вахтенным штурманом заметили, что лодка значительно сместилась относительно точки постановки и теперь находится далеко на северо-запад от места якорной стоянки. Но, как часто бывает в таких случаях, «прозрение» оказалось слишком запоздалым. И через очень непродолжительное время непосредственно под лодкой, где-то на глубине залегания якоря раздался какой-то скрежет, Б-181 очередной раз вздрогнула, её дрейф заметно усилился, да так, что радиометристы и акустики «хором» забеспокоились, разбудив своими «своевременными» докладами командира, дремавшего до сих пор в центральном посту, на своём любимом кресле возле автомата торпедной стрельбы.

3

Подлесный внимательно посмотрел на сидящего напротив молодого офицера и поинтересовался:

– И что вы от меня хотите, мой юный друг?

Дербенёву, у которого помимо ремонта и так дел хватало «по самое не балуй», форма обращения строителя и его простецкий тон, в ходе официального совещания, показались странными и даже не уместными, но старпом удержался в рамках делового тона и прямо заявил:

– Очень хочу, чтобы ремонтная ведомость по части якорного устройства была закрыта на этой неделе, включая работы по восстановлению крышки якорного клюза. Докмейстер упорно твердит, что всё зависит только от вас!

– Но позвольте, Александр Николаевич, насколько мне известно, якорь-то у вас не настоящий… Что будем с этим делать?

– Настоящий, Евгений Иванович, самый что ни на есть всамделишный, можете проверить сами. У кильблоков, на стапель палубе как гвоздь торчит, вот только лапы одной нет… – Дербенёв хитровато посмотрел сначала на Подлесного, а потом на старшего механика.

– Как же, а ведь, помнится, был деревянный? – имитируя удивление произнёс строитель.

– Кто вам такое сказал, Евгений Иванович? – непринуждённо подыграл старпому стармех. – Я бы давно «наш» якорь водрузил на штатное место, но лапка у него одна того… Александр Николаевич вам только что сообщил об этом.

– Оторвали мишке лапу, так что ли? – обрадовался как ребёнок Подлесный, всё ещё не веря своим ушам. – Будет вам крышка, но якорь я всё же проверю. Может быть лапу удастся заменить или восстановить?

Совещание у строителя на этом закончилось.

– А ну, колись, Николай Витальевич, где якорь раздобыл? – почти умолял Подлесный, теребя за лацканы тужурки командира БЧ-5 Б-181.

– Без интереса, Евгений Иванович, даже кролики не размножаются. – стармех хитро улыбнулся своими серыми колючими глазами и ждал реакцию строителя.

– Ладно, что хочешь?

Николай Витальевич Пимах – опытный механик, поэтому на слово не менее опытного строителя не поверил и уточнил: – А точно сделаешь, что попрошу?

– Да, сделаю, сделаю, колись! – Подлесный с нетерпением ждал ответа.

– Всё гениальное просто, вчера в районе приёмного буя Лиепаи проводились дноуглубительные работы, в результате которых подняли несколько обрывков якорных цепей, в том числе одну с якорем без лапы. Я попытался по маркировке звеньев цепи и якоря выяснить чей? Но не удалось. По размеру он похож на наш – утерянн, но по форме звеньев цепи и мар-

кам клейма – точно не советский и даже не латышский??? Может ещё кайзеровский? Да это и неважно теперь. Пришлось «купить» по бросовой цене, всего за двадцать литров «шила».

– А теперь ты колись, какой твой интерес? – зная железную хватку стармеха, Подлесный с опаской посмотрел на Пимаха.

– Интерес прост, Евгений Иванович. Старпом хочет обшить стальными листами и оборудовать медным леером ходовой мостик, установить там сидушки на резине для командира и вахтенного офицера, завести кабель спутниковой навигации на антенну ВАН. А ещё…

– А ещё щелка не разорвётся у твоего старпома? – сердито уточнил строитель.

– Думаю, не разорвётся. Старпом наш хоть и молод «ешшо», но из штурманов, а они, как указывал Пётр Великий: «народ сволочной, но дело своё знают…» Мы же, в свою очередь, не будем менять дерево в цепном ящике якорь клюза, а это существенная экономия средств.

– Тогда другое дело, так что там ещё? – облегчённо выдохнул Подлесный

– А ещё, – оживился Пимах, – он хочет наварить вокруг обтекателя МГ-25[10] латунный леер как на Б-224.

– Прогулочная яхта какая-то, а не боевой корабль. Сплошные леера да сиделки… Хорошо, что хоть мачту не пожелали с огнями и флагами… Ладно, – как-то по-стариковски ворча, согласился строитель, – будет вам комфортабельный мостик и леер на МГ-25.

Знал бы тогда, в октябре 1986 года Евгений Иванович, какую роковую роль для отдельных членов экипажа лодки в будущем сыграет эта модернизация, не известно взялся бы за работу или нет. Но сегодня всё складывалось как нельзя лучше…

[10] МГ-25 гидроакустическая станция для поиска мин. Расположена в носовой части надстройки подводной лодки.

IV. Такси на гауптвахту

1

Встречаются в жизни человеческой отдельные субъекты, которым вне зависимости от времени года, суток, состояния души и даже гидрометеорологических условий, всегда хочется приключений на «одно место». Был такой индивидуум и на Б-181, причём в этом экипаже их собралось сразу несколько…

Если упустить из виду систематически «западающего» на корабельный спирт боцмана Петрова и его «коллегу» мичмана Соломенного, путающего частенько корабельное имущество с личным, то следующим искателем приключений можно смело назвать Вовку Сазонова.

Высокий, статный «гусар», с голубыми глазами. Удивительный по сочетанию противоречий в одном лице исполняющий обязанности командира группы управления ракетной боевой части старший лейтенант Сазонов с некоторых пор служил на Б-181.

Некогда считавшийся перспективным офицером с большим будущим, сегодня, Сазонов отбывал «срок изгнания» из рядов успешных и перспективных «ботаников».

Несколько лет назад, придя на дивизию подводных лодок, этот беспартийный, холостой, образованный и воспитанный офицер показал себя не только в положительном смысле «карьеристом, рвущимся к машинным телеграфам», но также, сумел прослыть «сердцеедом». Посещая публичные иногда и злачные места, наш герой всегда был в центре женского внимания и не стеснялся пользоваться этим. За короткий лейтенантский период ему удалось растеребить не одну девичью душу и покорить не одно женское сердце. И всё было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство…

Когда говорят, что в семейных распрях кто-то один прав, а другой обязательно виноват и, дескать, поэтому очень часто распадаются семьи моряков, всегда хочется спросить: «А вы сами готовы по полгода находиться в разлуке с любимыми? Готовы, забыв о многих естественных человеческих потребностях, быть верными и преданными изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год?»

Далеко не каждую женщину Бог одаривает терпением, наделяет самопожертвованием и мужеством, если хотите, чтобы она смогла стать женой подводника. Точно так, далеко не всякому мужчине дано, поборов простой человеческий страх, иногда эгоизм или «обломовскую» лень, посвятить себя служению Отечеству в железе прочного корпуса подводной лодки.

К сожалению не всегда и не каждая семейная пара, образуя ту самую «ячейку государства», задумываются о смысле и содержании чувств, которые переполняют молодых людей в момент заключения брака. А ведь для того чтобы ежедневно, в течение многих недель, а то и месяцев, чувствовать рядом не ласки и трепет любимой, а суровое и железное «дыхание» океана за бортом, одной романтики не достаточно. Да и в гулком одиночестве, заполняющем ожидание на берегу, страсть не помощник!

Случилось так, что однажды под Новый год, посетив гарнизонный дом офицеров, Володя Сазонов влюбился в некую особу с эстрадно-театральным настоящим. Довольно быстро из рядовой случайной встречи разгорелся бурный и красивый роман. Экипаж проходящей средний ремонт подводной лодки Б-124, где командиром группы управления ракетной боевой части, служил тогда старший лейтенант Сазонов, уже потирал руки, в ожидании свадьбы, когда пришёл приказ о срочном переводе молодого офицера на другую лодку.

Всё, казалось бы, складывалось хорошо: во-первых, должность командира ракетной боевой части, по штату замещаемая офицерами в звании капитан второго ранга, на которую был назначен ещё не «возмужавший» старлей манила командирской перспективой. Во-вторых, открывалась возникшая ниоткуда возможность заработать валюту или хотя бы боны. Вместе с тем, образовавшаяся перспектива требовала от Сазонова и его пассии определённых испы-

таний и лишений, поскольку лодка уходила в Атлантический океан и разлучала возлюбленных на целых четыре месяца…

На боевой службе Сазонов, служивший до этого исключительно в ремонте, откровенно загрустил и даже впал в некую апатию ко всему происходящему вокруг, а лист сдачи зачётов на допуск к самостоятельному управлению подводной лодкой, выданный командиром дивизии и вовсе забросил. И только боевые прозаические будни: всплытия на заряд аккумуляторной батареи и срочные погружения, сопряжённые с уклонениями от противолодочных сил ОВМС НАТО, да «нескончаемые» ходовые вахты железным тонусом взбадривали Сазонова.

Не лучше обстояло дело и на берегу. «Любимая», быстро справилась с хандрой, охватившей её впервые в жизни, нашла Вовке замену, и теперь её частенько можно было видеть в окружении некоего офицера ПВО[11] из местного дивизиона, дислоцировавшегося в военном городке…

По возвращении в базу, Сазонов, было, намеревался сделать предложение своей возлюбленной, но его намерениям не суждено было сбыться, поскольку этот путь уже проделал тот самый «противовоздушный» офицер.

Володя, только-только примеривший погоны капитан-лейтенанта, запил, да так сильно, что порой не контролировал себя. Неоднократно устраиваемые им драки с сухопутными офицерами в ресторанах или патрулями в городе не прибавили ему чести или авторитета. В результате, звания и должности, так стремительно полученных им на боевой службе, Сазонов быстро лишился. Параллельно завершился его кандидатский стаж в члены КПСС. Офицера понизили в звании до старшего лейтенанта и вернули на должность командира группы управления, но теперь уже на подводную лодку Б-181.

Нельзя сказать, что Вовка вполне комфортно чувствовал себя в звании старшего лейтенанта, в то время когда некоторые его «годки»[12] стали примерять погоны старших офицеров, но Сазонов никогда не терял присутствие чувства юмора в отношении себя и своей «нелёгкой» корабельной карьеры, комментируя всё произошедшее просто и по-житейски: «Страшней всего, когда ты умер и успокоился почти, а доктор хрясь по телу током и службу надо вновь нести!».

2

Три недели стоял промозглый и слякотно-ветреный ноябрь, давивший всё живое вокруг, то ветрами и дождём, то туманами и холодом, а сегодня на четвёртую субботу, как ни странно, выпал довольно погожий денёк. Даже облака, по какой-то неведомой команде выстроились поротно и отправились за горизонт. Гонимые ветром они уселись на воду как бы передохнуть. Открылось солнце, багрянец которого залил не только водную гладь, но и сам небосвод.

Заступать дежурным по бригаде строящихся и ремонтирующихся кораблей Дербенёву не хотелось вовсе. И дело было даже не в хорошей погоде, и не в субботнем выходном предчувствии, просто сегодня, наконец-то, удалось собрать якорное устройство и впервые за несколько последних лет, обретя новенький щит якорного клюза, Б-181 лишилась «беззубого» старческого оскала уродовавшего весь её облик. В связи с образовавшимися обстоятельствами Дербенёв находился в приподнятом настроении. Хотелось «летать» и петь. Как же – первый успех в доковом ремонте и его самостоятельной «командирской» карьере. Хотя какая она самостоятельная?

«Если бы не стармех с замполитом, не было бы и успеха, – подумал Александр, примеряя новенькое скрипящее снаряжение для пистолета. – Странные порядки здесь в ремонте, оружия нет, а снаряжение носи. То ли дело у нас в дивизии или даже эскадре: дежурный щеголяет в белых перчатках и с кортиком».

---

[11] ПВО- противовоздушная оборона

[12] Морской жаргон. Речь идёт о военнослужащих одного года призыва

Выйдя за КПП эскадры, где в отдельной казарме временно размещался экипаж Б-181, Александр ещё раз полюбовался красивым закатным небом и, вспомнив местные признаки погоды, тихо пробубнил:

– Если солнце красно с вечера – моряку бояться нечего!

На этой оптимистичной ноте Дербенёв зашагал в сторону судоремонтного завода исполнять возложенные на него обязанности дежурного по соединению.

3

– Товарищ капитан-лейтенант, у нас ЧП! – Дербенёв, погружённый в чтение романа Валентина Пикуля с морским названием «Моонзунд», не сразу понял, что вбежавший в помещение матрос обращается именно к нему, а не к одному из героев романа…

Запыхавшийся матрос Дашко – дежуривший верхним вахтенным у трапа подводной лодки, стоял на пороге будки строителя, где дежурный по бригаде бодрствовал после обхода кораблей и, с трудом переводя дыхание, пытался привлечь внимание начальника каким-то срочным сообщением.

– Так что же у нас стряслось? – наконец, оторвавшись от чтения и спокойно глядя на матроса, уточнил Дербенёв.

– Дежурный по лодке старший лейтенант Сазонов пропал почти час назад…

– Как пропал? – Александр взглянул на часы: – Я же два часа назад тревогу играл на корабле и все были на месте? – Глаза Дербенёва округлились от удивления.

– Пропал, но уже нашли… – Дашко замялся и замолчал.

– Кто нашёл, где?

– Из дежурной части милиции позвонили…

– И что???

– И сообщили, что старший лейтенант Сазонов у них, уголовное дело тоже…

– Какое ещё уголовное дело? – возмутился Дербенёв.

– Какое не знаю, – как бы оправдываясь, ответил Дашко, – но товарищ мичман Бекмурзаев – помощник дежурного по кораблю сказал, что бы вы срочно позвонили в милицию.

– Хорошо, а сам-то мичман на месте, почему он не доложил мне по телефону?

– Али Исакович на месте, вот только связь пропала с вами и управлением завода, связисты битых сорок минут с тестером бегают по линии обрыв ищут. Но проблема не в этом, – с «сознанием дела» огласил Геннадий Дашко и продолжил, – с городом связь есть, а с вами нет, так не бывает когда линия оборвана!

Дербенёв схватил трубку внутреннего телефона. Связи с лодкой действительно не было. Александр вызвал к себе дежурного по живучести бригады, а сам позвонил в милицию.

Представившись исполняющим обязанности командира воинской части, Александр узнал, от дежурного представителя правоохранительных органов, что старший лейтенант Сазонов задержан в нетрезвом виде у ресторана «Юра» около часа назад при попытке вооружённого нападения на таксиста…

Не поверив своим ушам, Дербенёв решил лично выехать в дежурную часть. Пришлось среди ночи звонить предшественнику и просить о подмене.

Прибыв в отдел милиции, который располагался в непосредственной близости от ресторана, Дербенёв прошёл к дежурному:

– И где мой уголовничек? – поинтересовался Александр, предъявляя удостоверение офицера и приказ об исполнении обязанностей командира части.

– В камере ваш Сазонов, где ж ему быть, отсыпается. Ждём машину из военной комендатуры, передавать будем «гангстера» вашего.

Дербенёв посмотрел на погоны дежурного и обрадовался: «Всего старший лейтенант», но для порядка всё же уточнил:

– А чем же этот «горе-налётчик» пытался совершить вооружённое нападение на таксиста, если всё табельное оружие с корабля сдано в арсенал на хранение ещё месяц назад?

– Не знаю, как ваше оружие, а личное оружие Сазонова здесь. – Старший лейтенант милиции открыл сейф и достал, что-то в конверте плотной бумаги, бежевого цвета: – Изъято под протокол, «макаров», знаешь, он и в Африке «макаров».

– Разрешите взглянуть? – поинтересовался Дербенёв.

Открыв конверт, Александр обнаружил в нём массогабаритную копию пистолета «вальтер».

– Уважаемый, «господин следователь», – возмутился Дербенёв, – во-первых, это не «макаров», хоть и из Африки, а всего лишь зажигалка, причём купленная в сирийском порту Тартус, а во-вторых, здесь вместо номера немецким языком написано Walther PP, читай «Пинкертон».

– Как зажигалка, вот же обойма с патронами? – удивился милиционер.

– А ну-ка дай эту обойму пощупать, – попросил дежурного Дербенёв.

Александр взял обойму, вынул из неё патрон и свободно, пальцами, освободил гильзу от пули.

– Смотри сюда, криминалист, все гильзы без пороха и запаяны, оставлено место только под пулю. «Ма-ка-ро-в» – издевательски передразнил дежурного милиционера Дербенёв.

– Точно, как настоящие, – рассматривая патроны, сокрушался дежурный, – а зачем тогда они нужны в обойме?

– Игрушка так устроена, что без комплектующих узлов не работает, оцени момент.

Дербенёв собрал «пистолет» и направил его в сторону сейфа. Милиционер на всякий случай пригнулся и закрыл уши пальцами. Щелчок, и из ствола появился розоватый огонёк.

– Куришь? – уточнил Дербенёв у милиционера, отпуская курок.

– Не-е-е. – промычал в ответ дежурный и на всякий случай забрал игрушку обратно, – всё равно он преступник. Откуда знать таксисту в темноте, что это игрушка. Главное в совершённом преступлении субъективная сторона, т.е. куда направлен умысел подозреваемого.

– Эта правда, ара. Темно савсем, я так плёха сразу чувствоваль арганизм, что думал, Аллах завёт.

Дербенёв осмотрелся по сторонам и только сейчас обнаружил у стены за столом, сидящего с ручкой в руках маленького человека в большой кепке с широкими полями. Человек, добросовестно «страдал» над девственно чистым листом бумаги.

– А это кто? – спросил Александр.

– Так это же и есть потерпевший, объяснение пишет…

Дербенёв подошёл к маленькому человеку в кепке и уточнил:

– Откуда ты, земляк?

– Балшой Кавказ знаешь, море там эшо ест? Там самый красивый селение стаит, Бакы называется…

– Знаю я ваш Бакы, а вот как ты – сын Агдама и Алазанской долины здесь в таксистах нарисовался, не понимаю? Или на маршруте «Бины-Зых»[13] неприбыльно совсем стало?

– Слушай, ара, откуда знаешь «Бины-Зых»? – удивился таксист.

– Так случилось, дорогой, что я много чего знаю, про Кавказ и твой Баку, но ещё больше хочу узнать, как тебя ограбил сегодня мой офицер в такси?

---

[13] «Бины» – аэропорт в Баку, а «Зых» – микрорайон столицы Азербайджана где располагалось в советское время Каспийское высшее военно-морское краснознамённое училище им. С. М. Кирова. Маршрут «Бины-Зых» – в летнее время один из самых прибыльных у Бакинских таксистов, поскольку за проезд каждого пассажира (чаще всего абитуриента или курсанта младших курсов) бралась плата в размере 10 рублей с человека, при этом машины на маршруте использовались только «Волга» Газ 2410 – фургон с дополнительным рядом сидений.

– Какой офицер, не знаю никакой офицер, – запричитал маленький человек. – Я ехаль маршрут «по городу» вдруг диспетчер гаварит: «ехай на „Тосмаре“, там килиент». Я поехаль. Ночь тёмный, ничего не видна.

– И что даже кокарду на шапке у «клиента» не разглядел?

– Ночь, такой сильный, савсем глаз не видит. Толко кожаный куртка видель.

– А потом?

– Потом приехаль ресторан. Килиент, хатель выхадит, я сказаль дэнги давай. А он мне в ух как гаварит: «Сиди, гаварит, малчи, дэнег нет, я пашёль». Пьяный, силна шаталься, я как писталет на ремень увидель, кричат сталь и сигналит машин.

– Какой пистолет, этот? – Дербенёв показал на зажигалку в руках дежурного милиционера.

– Ара, ты что савсем глюпый, – маленький человек смешно замахал правой ладонью возле лица Дербенёва, – я, думаешь савсем слепой, там быль настаяший, вот этат… – таксист уверенно ткнул пальцем в кобуру на снаряжении, которое Дербенёв впопыхах забыл снять.

– Так это же не пистолет, а всего лишь кобура, Он, этот клиент, что ею угрожал? – уточнил Дербенёв.

– Не знаю что такое угражаль, я проста знаю, там писталет…

– Слышь, старлей! – обратился Дербенёв к дежурному милиционеру, – так не было никакого вооружённого нападения, вот и свидетель это подтверждает. Отпускай Сазонова, а я, уж поверь, «стружку» с него сниму, не обрадуется.

– Во-первых, капитан, – официальным тоном, пародируя Дербенёва, ответил милиционер, – гражданин Агаев не свидетель, а пострадавший, т.е. потерпевший, а, во-вторых, Сазонова доставили ребята из ППС[14]. Передали его вместе с протоколом задержания и протоколом осмотра места происшествия, а это процессуальные документы, их, куда прикажешь девать?

– И что теперь делать? – почти в отчаянии уточнил Дербенёв.

– Мне откровенно без разницы: «Казнить нельзя, помиловать!» или «Казнить, нельзя помиловать!». – с напускным равнодушием отреагировал милиционер, – сейчас приедут из вашей комендатуры или прокуратуры и заберут твоего «килиента», а там разбирайтесь сами – сажать его за разбой, или поощрять за пьянство и самовольное оставление места службы.

4

Бессонная ночь закончилась. Дербенёв «ни с чем» возвращался из военной комендатуры гарнизона. Сазонова не выпустили, материалы дела передали в военную прокуратуру, где было возбуждено уголовное дело.

Со временем, во всём конечно разобрались, но итог оказался неутешительным: ввиду отсутствия состава преступления уголовное дело по вооруженному нападению на таксиста было закрыто, а вот за пьянство на дежурстве и самовольное оставление корабля, в ходе этого дежурства, Вовке, в приказе по флоту объявили НСС[15], сняли с должности и направили в РТШ[16] с понижением. Уж куда ниже?!

Этот кадровый провал исполняющего обязанности командира подводной лодки, приведший к потере члена экипажа, станет серьёзным уроком в служебной карьере Дербенёва. Таким же уроком этот случай станет и для самого Сазонова. Спустя годы он будет признан лучшим офицером радиотехнической школы, «досрочно» получит звание капитана третьего ранга и даже встретит на новом месте службы свою «вторую половинку», с которой узами брака свяжет дальнейшую жизнь.

---

[14] ППС – патрульно-постовая служба МВД

[15] НСС – неполное служебное соответствие – высшая мера дисциплинарной ответственности военнослужащих, за которой следует увольнение из рядов Вооружённых Сил.

[16] РТШ – радио-техническая школа.,Учебное заведение где готовят младших специалистов для ВМФ.

Но это будет потом, а пока Дербенёв плёлся как побитый к заводской проходной и мысленно представлял какие «ласковые» слова в свой адрес он сегодня услышит от командира дивизии…

V. Вера, надежда и любовь

1

Наверное, когда у человека много забот – время летит быстро, а когда любой из нас тяготится ожиданием – время превращается в густой кисель, который еле движется сквозь узкое горлышко бутылки текущих суток.

Дербенёв с удовольствием для себя отметил, что доковый ремонт, казавшийся чем-то необъятным и почти бесконечным, завершён в обозначенные для этого два месяца. Б-181 с помощью буксиров перешла к стенке завода и ошвартовалась аккурат напротив будки строителя. Сам, Евгений Иванович Подлесный вместе с заводскими специалистами стоял на причальной стенке и встречал лодку, демонстрируя полную готовность начать навигационный ремонт.

Мелкие колючие снежинки, гонимые лёгким ветерком летели прямо в лицо Александра, стоявшего на мостике, и немного пощипывали щёки. Однако отворачиваться не хотелось совсем. После затяжной и сырой осени хотелось, наконец, ощутить присутствие зимы. Середина декабря в Латвии не радовала сибирскими морозами, но акваторию Военного канала и Заводской гавани всё же начало сковывать льдом.

– О чём мысли командирские? – поинтересовался старший механик, поднимаясь на мостик.

– Да всё о ней, Николай Витальевич, об этой батарее треклятой. Ведь что получается: срок годности у неё максимум пять лет, а она три года уже отстояла на складах после изготовления и что нам остаётся?

– Один – два года эксплуатации, плюс – минус пара УПЦ.[17]

– Вот я и говорю, безобразие, а впереди боевая служба!

– Не переживай, Николаевич, – стармех, дружески похлопал старпома по плечу, – не на два года идём ведь, а только на два месяца.

– Всё равно безобразие, хотя бы потому, что вместо пятидесяти четырёх суток на замену всех четырёх групп аккумуляторной батареи нам дают всего тридцать шесть.

– Справимся, время терпит, у нас ведь сначала ремонт дизелей и других технических средств, а уж потом замена батареи…

– Ты ещё скажи, что потом и командир из отпуска выйдет.

– Думаю, Александр Николаевич, легче тебе «губозакатывающий» станок заказать в заводе, чем надеяться на Зайкова что тот выйдет. Он пока всё не отгуляет, даже нос казать перед комдивом не станет.

– Это точно! – подтвердил замполит, присоединяясь к беседе коллег.

– А где, интересно было партийно-политическое руководство нашего славного крейсера пока мы «героически» всплывали из дока и в «сложных ледовых условиях» переходили к месту ремонта? – дружески подначивая Муренко, уточнил Дербенёв. – Вами даже Александр Иванович Яковенко интересовался убывая после перешвартовки.

– Как всегда, там, где трудно, – ответил за политработника Пимах, – наверное, опять какой ни будь «проект века» готовил?

– Не какой ни будь, а вполне конкретный проект перегородок в казарму, что бы в условиях плюрализма мнений и трезвости мысли организовать лучшую жизнь матросам.

– Например? – не понял старпом.

---

[17] УПЦ – условно полный цикл аккумуляторной батареи. Определённое количество зарядов и разрядов АБ до полного выхода её из строя. Для каждого типа АБ – УПЦ разный.

– Например, по боевым частям и службам разместить весь личный состав, – ответил замполит.

– Что ж мысль хорошая, передовая, – демонстративно подкручивая усы, согласился Дербенёв, – но во что нам с механиком это обойдётся?

– Да всего ничего девяносто килограмм спирта или месяц работы четырёх матросов в деревянном цеху…

2

– Ты что и вправду считаешь, что я тебе изменяю? – нежно улыбаясь и глядя прямо в глаза Дербенёву, спросила Татьяна, упираясь руками в подушку и склоняясь над супругом.

– А как бы ты, интересно, отреагировала, если бы придя однажды домой обнаружила, что я пью чай или кофе, щедро сдобренные алкоголем, в компании, например, финансового инспектора эскадры подводных лодок?

– Надеюсь, ты имеешь в виду девушку финансового инспектора? – уточнила Дербенёва.

– Естественно! – недоумевая, ответил Александр.

Только что случившаяся близость не позволяла Александру адекватно воспринимать вопросы задаваемые Татьяной, а длинные русые волосы любимой, слегка прикрывающие её обнажённую грудь, водопадом ниспадали на лицо Дербенёва, нежно дразнили и, покачиваясь, требовали продолжения действа. От блаженства глаза закрывались сами собой.

– Нормально отреагировала бы: если моим мужем интересуются другие женщины значит он настоящий мужчина, а такого я никому не отдам!

– Странно как-то всё получается. Я должен одобрительно реагировать на некоего бывшего сослуживца своей жены, подозрительно носящего такое же, как у меня имя, и неоднократно посещающего мою квартиру в моё отсутствие, только потому, что французы имели неосторожность придумать притчу о том, что: жена, которой не интересуются посторонние мужчины, не нужна и самому супругу?!

Татьяна приподнялась над Александром и, подвинувшись вперёд, согнула руки в локтях. Теперь она ласкала закрытые веки Дербенёва не волосами, а воспалёнными страстью сосками своей груди.

– Любимый, ты много рассуждал, но так и не ответил на мой вопрос? – прошептала Дербенёва, продолжая своё чародейство…

Александр, физически раздавленный судоремонтом и теперь глубоко погруженный в облака любви, не приходя в сознание, попытался вспомнить вопрос, на который он не ответил, но попытка оказалась тщетной.

– Так да или нет? – настаивала с ответом Татьяна.

– А что лучше? – еле слышно уточнил Александр.

– Нет, – также тихо, покачивая телом в такт с супругом, ответила Татьяна.

– Нет… – простонал Дербенёв.

VI. Невезучий Гарри

1

«Что такое не везёт и как с этим бороться?» – Вопрос, который задают себе многие из нас. Одни чаще, другие реже, в зависимости от того какая тельняшка, кому ближе к телу, полосатая или однотонная. Бывают такие люди, которые носят исключительно однотонное нижнее бельё и, как правило, только чёрного цвета. Хотя как на это посмотреть…

Одного индуса ядовитые змеи кусали сорок два раза за его пятьдесят восемь лет жизни и всё время врачи спасали ему жизнь. У кого, скажите, теперь повернётся язык называть этого «счастливчика» невезучим. Но встречаются и такие люди, к которым всякие напасти просто липнут, почти как мухи на липкую ленту. Можно в это верить, можно сомневаться, но на Б-181 нашёлся и такой человек. Его так и звали все: «Невезучий Гарри».

Если экипаж лодки вышел на строевую прогулку в общем строю целой эскадры подводников, и над строем, чеканящим шаг по узким улочкам старой Лиепаи, пролетит ровно один баклан, которому ни с того ни с сего захочется справить нужду прямо в воздухе, то основным и единственным объектом «бомбометания» выбранным из нескольких тысяч человек, плюс оркестр, будет обязательно фуражка лейтенанта Игоря Ежова – командира ЭНГ Б-181.

Более того, если внезапно, после диарейной «атаки», поднимется шквальный ветер и пронесётся над тем же строем подводников, идущим по узким улочкам старой Лиепаи, то «счастливчиком», с которого сорвёт фуражку только что очищенную от птичьего помёта и бросит в единственную на весь квартал лужу, будет всё тот же Гарри…

До прихода на Б-181 Дербенёв даже не догадывался, что такие люди вообще существуют, но в новой должности, с явлением по фамилии Ежов пришлось считаться.

Однокурсник Игоря Олег Апилогов, с которым Дербенёв служил на Б-224, рассказывал, что однажды, когда ещё курсантами они направлялись на корабельную практику в далёкое Заполярье, единственным военнослужащим из целой роты, у которого нога застряла в эскалаторе метрополитена на Ладожском вокзале, был Игорь Ежов. Так он и прибыл в Мурманск в одной туфле…

Сегодня, Ежову порекомендовали бы персонального психолога или ещё какого утешающего специалиста, но на улице была зима 1986 года – не до психологов, знаете ли, было тогда.

Народ, только отвыкший от брежневского лозунга: «Экономика должна быть экономной», вынужден был привыкать к тому, что военная форма одежды стала вдруг «рабочей» и в ней теперь даже в ресторан не пускали. Свадьбы и юбилеи стали повсеместно «безалкогольными», а гласность и плюрализм мнений вначале «обрадовавшие» всех, теперь касались, в основном, случаев обличения лиц, не согласных с всесоюзной вырубкой виноградников. В остальном партия и народ были «едины». Даже когда традиционно на кухне партийные с беспартийными гражданами обсуждали за рюмкой «чая» бестолковые прожекты говорящего без бумажки Президента Великой страны, главным аргументом «За», оставался аргумент в пользу ГЛАСНОСТИ. Потому что ПЕРЕСТРОЙКА это всего лишь международный символ советско-американской оттепели, а ГЛАСНОСТЬ – завоевание народа давшее возможность каждому, опять же на кухне, обсуждать более широкий круг существовавших в стране проблем.

2

Первые успехи Дерьенёва, также как и первые неудачи в новой должности были уже позади. За решением насущных проблем незаметно пролетел не только доковый, но и навигационный ремонт. За четыре месяца в заводе, свыкшийся с мыслью о том, что он и впредь будет единолично принимать многие важные решения, конечно не без помощи замполита и стармеха, но всё же сам, Дербенёв, вдруг, получил указание командира дивизии срочно отыскать и вызвать к нему Зайкова.

«И зачем ему командир, разве я не справляюсь?» – только и подумал Дербенёв. Но делать нечего, приказ надо выполнять. Поскольку домашний телефон командира молчал, вечером того же дня Александр зашёл к Зайкову домой. Оказалось, что в связи с переносом сроков выхода на боевую службу в ближнюю сторону, сократились и сроки замены АБ. Теперь экипажу Б-181 на замену батареи оставалось не тридцать шесть и без того урезанных донельзя, а всего двадцать восемь суток.

– Они там, в Москве, что совсем без царя в голове живут? – возмущался Дербенёв.

– Ты не сильно наезжай на Москву, Александр Николаевич, не смотри, что гласность… – предупредительно по-отечески сдержал горячий нрав подчинённого командир. – У нас тоже безбашенных хватает, лучше с механиком подготовьте график трёхсменной работы по замене АБ и замполита обязательно подключи. Распиши всех офицеров по часам на погрузку, кроме врача. Как у тебя, кстати, с зачётами на допуск?

– В эскадре почти всё сдал, остался начальник штаба и комэск, а на флот как ехать пока вас нет ума не приложу?

– И то хорошо, что есть. На флот не скоро поедешь, мне ещё госпиталь «изобразить» надо, хотя бы на пару недель…

3

Февраль, оказавшийся в наступившем 1987 году крепким «малым» упорно не сдавал позиции надёжного «покровителя» Военного канала и служивый люд, не особо обременяя себя вопросами личной безопасности, протоптал от причальной стенки завода на противоположный берег Заводской гавани не одну «тропу Хошемина».

Не стал исключением в этом и экипаж подводной лодки Зайкова.

Тропа, проложенная подводниками Б-181 по толстому льду между ангаром эскадры подводных лодок, где прятались от вражеских глаз сверхмалые подводные лодки и плавучей казармой «Миасс» на акватории СРЗ-29 с лёгкой руки штурмана Стоянова называлась «заячьей», но как показало время не долго…

Дербенёв, пользуясь властью временно исполняющего обязанности командира воинской части, категорически запретил водить экипаж на завод и обратно по льду гавани, но отдельные офицеры и мичманы «под чутким руководством» замполита всё же совершали разовые «прогулки» по льду.

Видя, как народ беспечно гуляет по акватории гавани, руководство завода «Тосмаре» решило в преддверии весны и таянья льдов, дабы предотвратить несчастные случаи, периодически взламывать лёд буксирами. Здесь следует заметить, что операция взлома происходила обычно с раннего утра и до одиннадцати часов. Обед и «адмиральский» час у подводников по расписанию с тринадцати до пятнадцати, так что за два – четыре часа лёд успевал немного окрепнуть, но человека ещё не выдерживал. Чтобы особо не рисковать, некоторые опаздывающие к послеобеденному построению подводники обходили, где это было возможно, места взлома и промоины ориентируясь на редкие сохранённые следы.

И вот наступил красный День календаря – 23 февраля.

В СССР День Советской армии и Военно-морского флота не был выходным днём, хотя и считался государственным праздником. Поэтому для экипажа Б-181 работы по замене АБ продолжались обычным порядком, хотя и было принято решение проводить их не в три, а только в две смены, чтобы хоть как то обозначить праздник.

Когда после обеда Дербенёв построил экипаж и проверил готовность личного состава к работам, выяснилось, что Муренко, Ежов и назначенный вместо Сазонова командир ГУ БЧ-2 лейтенант Дрофеев отсутствуют в строю…

– Объявите по громкой связи отсутствующих! – распорядился Дербенёв стоящему на мостике дежурному по кораблю.

– Так вон же они идут, – показывая рукой в сторону акватории гавани, ответил капитан лейтенант Фетисов, служивший на Б-181 командиром группы целеуказания.

Все, в том числе и Дербенёв повернулись в сторону идущих по льду «следопытов».

Первым, возглавляя «колонну» и очень чётко ступая «по следу» не тронутому ледоколом, семенил замполит. Сразу за ним, вприпрыжку почти «след в след» двигался командир ЭНГ, за ним широкими размашистыми шагами «циркулил» Дрофеев, замыкал спешащую процессию неизвестно откуда взявшийся рыжий бездомный пёс по кличке Кабздох, который периодически из ниоткуда появлялся на построениях экипажей эскадры.

Темневшее справа от тропы пятно чистой воды заметное до обеда, за время снежного заряда, случившегося час назад, затянуло тонким льдом и припорошило снегом.

Пёс, радуясь внезапным компаньонам и, очевидно, воспринимая процессию, как нечто игриво-родное повизгивал и подпрыгивал, иногда обгоняла людей то слева, то справа по нетронутому снегу. В какой-то момент он пробежал по свежему льду вперёд процессии и тут же, путаясь под ногами, вернулся обратно, оставив на снегу хорошие свежие отпечатки лап как раз в том месте, где ещё три часа назад работали буксиры.

Не надо быть пророком, что бы понять, кто именно воспользовался новой тропой. Ежов, до этого не задумываясь ступавший за замполитом, вдруг оказался рядом с ним, но ненадолго, потому что в следующий миг, когда лейтенанта «потянуло на собачий след» тело облачённое в шинель и шапку, ушло под лёд…

Дербенёву, как впрочем, и всему личному составу Б-181 не приходилось бывать на Южном полюсе и видеть как проворно «вылетают» из воды на лёд пингвины Антарктиды. Но сейчас весь экипаж, наблюдавший за происходящим на льду, стал свидетелем вполне антарктического вылета своего сослуживца, которого так быстро «отрыгнула» ледяная вода, что замполит даже не заметил «потери бойца».

С этого дня тропу стали называть «Ежовой».

Что касается самого Гарри, то по возвращении на корабль, его «наградили» стаканом спирта, чтоб не заболел, поздравили с новым днём рождения, а заодно и праздником. И только боцман Петров проворчал по этому поводу что-то нехорошее касающееся рождённых в понедельник.

Через месяц Игорь Ежов по неизвестной никому причине был переведён на другую подводную лодку, но теперь 629 проекта. Дербенёв облегчённо вздохнул!

VII. Шевалье де Сенгальт

Опытные женщины, знающие мужчин не «понаслышке», скажут, что под коркой мозга у большинства особей мужского пола живёт как минимум один Донжуан или Казанова. И насколько длинной будет эта жизнь зависит исключительно от представительниц прекрасного пола. Во всяком случае до тех пор пока он, этот самец, не найдёт предмет своего сердца, способный целиком и полностью утопить его в водовороте не только страсти, но и бытовых проблем, да так, чтобы опомнится не смог этот самый кобель хотя бы первых лет пять, а лучше десять, насколько хватит сил у этой исключительной женщины.

А, женщины, как известно, встречаются тоже разные, как впрочем, и мужчины. Вот и получается, что одни семейные пары живут «душа в душу» всю жизнь, не замечая порой даже времени, которое бежит где-то рядом, а другие бегут как чумные в разные стороны, споря, соперничая, бросая друг друга, так и не ощутив радости от полного ветра в парусах семейной лодки…

Борис Фёдорович Муренко – заместитель командира Б-181 по политической части был замечательным человеком, с которым всегда можно было найти тему для взаимно приятного и интересного разговора. Всегда вежливая и внимательная манера его общения даже с чужими людьми неизбежно вызывала восхищение окружающих, особенно женщин, а насколько Борис был хорош в семье, лучше его супруги Лидии не знал никто…

Но пусть меня простит читатель, когда мы идём к стоматологу, нас мало интересует насколько ярко в нём выражены человеческие качества или насколько он хорош как собеседник, при этом ой как нам не безразлично насколько он хороший специалист.

Когда, в очередной раз капитан третьего ранга Попов, стоя дежурным по подводной лодке позволил себе «погружение ниже ватерлинии с дифферентом в 40 градусов на нос» Дербенёв вынужден был обратиться именно к замполиту, а тот, в свою очередь, предложил привлечь на помощь сначала офицеров, а уж потом и партийное собрание.

Главными соратниками в разбираемом вопросе Дербенёв считал, своих ровесников и вчерашних товарищей по лейтенантству – штурмана Стоянова и ракетчика Грачёва. Оба «комбата», были хорошими специалистами, честными в общении с коллегами и подчинёнными. Но то, как повели себя на собрании эти «вчерашние друзья», по мнению молодого старпома можно было назвать только предательством.

Именно предательством считал Дербенёв отказ Стоянова и Грачёва, поддержать его предложение о передаче персонального дела коммуниста Попова на суд чести офицеров соединения подводных лодок. Из всего кворума партийного собрания только замполит с механиком поддержали Дербенёва в этом вопросе.

– Позволю спросить вас, Сергей Николаевич, что на сей раз стало причиной столь неподобающего поведения старшего офицера Б-181? – ожидая ответа, замполит пристально посмотрел в глаза начальника РТС.

– Какого неподобающего поведения? – как ни в чём не бывало, поинтересовался Попов. – Я крайне деликатно и вполне достойно общался с женщиной…

– С какой ещё женщиной? – удивился замполит.

– Накануне дежурства моя супруга послала меня к нашей, точнее её, дальней родственнице на улицу Клайпедас, чтобы я починил этой самой родственнице телевизор, а мадам эта оказалась одинокой и вполне симпатичной женщиной…

– И что? – предчувствуя неладное, уточнил Муренко.

– И починил…

– А при чём здесь ваше пьянство во время дежурства по кораблю? – не улавливая связующей нити, снова уточнил замполит.

– Какое там пьянство, Борис Фёдорович, так, на один глаз. Чтобы не закрывался во время беседы. Выпито было всего ничего: пол-литра и то на двоих с девушкой. Старпом сказал, если я ещё раз на дежурстве призову в собутыльники мичманов, он лично напишет рапорт командиру дивизии!

– Так вы, уважаемый Сергей Николаевич, решили на сей раз, чтобы старпом сменил гнев на милость попьянствовать с первой встречной ш…й? – вконец обалдев от услышанного прохрипел Муренко, у которого внезапно перехватило дыхание и замкнуло голосовые связки.

– Ну, зачем же так грубо, Борис Фёдорович, вы же интеллигентный человек, а она, какая-никакая, а все-таки родственница. Да и была-то она на лодке всего час, я же вам не шевалье де Сенгальт…

– Как на лодке? Вы что эту лах… у на борт боевого корабля притаранили? – Богатое воображение и личный опыт замполита нарисовали картину, от которой Борис Фёдорович чуть-чуть не потерял дар речи навсегда.

– Да никто её не таранил, она сама пришла, по разовому пропуску, через проходную завода. – спокойно отреагировал Попов.

Лицо онемевшего замполита вполне определённо напугало Дербенёва:

– Кто за то, чтобы за недостойное поведение в ходе дежурства по кораблю коммунисту Попову объявить выговор, прошу голосовать.

Замполит немного пришёл в себя и внимательно осмотрев присутствующих начал подсчёт голосов.

– Борис Фёдорович, – из-за спины замполита отозвался штурман Стоянов, тщательно фиксировавший всё услышанное в протоколе собрания, – а разве можно объявлять партийное взыскание за нарушение партийной дисциплины, не раскрыв в чём это нарушение выразилось?

– Конечно же, нет! – вместо Муренко ответил ракетчик Грачёв. – Но если протокол, который ты столь усердно ведёшь, после этого собрания случайно попадёт на стол начальнику политотдела, то, скорее всего на ближайшей партийной комиссии дивизии будут рассматривать не похождения Попова, а персональные дела коммунистов Дербенёва и Муренко…

– А вы, что Александр Васильевич, всё, что мы здесь говорим, записываете сразу в протокол??? – окончательно придя в себя, еле слышно проговорил замполит, теперь уже хватаясь за сердце.

Собрание пришлось прервать на неопределённый срок. Попова, в конечном итоге, решили по партийной линии пока не наказывать. В дисциплинарном порядке связист понёс наказание в приказе временно исполняющего обязанности командира войсковой части, который Дербенёв, не без удовлетворения подписал и довёл до старшего офицерского состава.

Нетрезвый и половой вопросы связиста и, как выяснилось, корабельного «Джакомо Казановы» решено было оставить открытыми хотя бы до возвращения из отпуска настоящей «мамы»…

VIII. Командирское решение

1

Ранним утром девятого марта, сразу после подъёма флага Дербенёв направился в приёмную начальника штаба эскадры подводных лодок. Назначенное капитаном первого ранга Шестаковым время пять минут как истекло, а «самого» ещё не было…

Кроме Дербенёва в приёмной «топтались» ещё два мичмана. Судя по папкам, которые те держали в руках, один был явно с узла связи, а другой определённо с шифроргана!

– И что мучаемся от безделья? – зычный, слегка хрипловатый голос начальника штаба внезапно прервал наблюдения Дербенёва. – Заходите коль пришли.

В просторном и светлом кабинете Валерия Ивановича Шестакова, начальника штаба эскадры подводных лодок Дербенёв ещё не бывал и поэтому не сразу сообразил с какой стороны подойти к начальнику чтобы предъявить зачётный лист.

– А ты наверное Дербенёв? – простецки обращаясь к Александру уточнил начальник штаба.

– Так точно, товарищ капитан первого ранга. Вы на сегодня назначали время для сдачи зачёта на самостоятельное управление кораблём.

– Тогда не торчи как гвоздь в корабельной баночке. Садись вот здесь справа от меня. Видишь мне пока некогда…

Дербенёв осторожно сел за стол, открыл свою папку, в которой лежал зачётный лист и стал перечитывать закрытые ранее вопросы. Волнение, которое пришло накануне визита к Шестакову не отпускало. Где-то под коркой мозга звучал только один безответный вопрос: «Что будет спрашивать начальник штаба?»

Наблюдая за монотонной работой старшего начальника, который бегло читал какие-то телеграммы и сразу же расписывался, Дербенёв немного успокоился. Но выражение лица наверное всё-таки выдавало волнение, потому что Шестаков вдруг сказал:

– Да ты не переживай Дербенёв о том что я буду у тебя спрашивать. Ты лучше поднатужь мозги чтобы можно было вспомнить ответы на поставленные вопросы! Или ты думаешь, что я не был в твоей шкуре?

– Думаю, что были… – Дербенёв как-то вяло улыбнулся.

– Тогда слушай вопрос: – Начальник штаба отпустил мичманов и продолжил: – Ты из штурманов, значит всякие там СКП[18], невязки и прочую дребедень знаешь лучше меня. А вот скажи мне что такое КООРДОНАТ и с чем его едят?

– Манёвр уклонения корабля или соединения кораблей в сторону от прежнего пути с целью избежать столкновения с одиночной миной или иной опасностью. При выполнении данного манёвра корабль описывает две равные по длине и симметрично расположенные в разные стороны от линии пути дуги циркуляции – вправо и влево или наоборот. Так, при описании Координата вправо корабль поворачивает вправо на некоторое число румбов и, пройдя положенное расстояние, ворочает влево на тот же угол и таким образом ложится на курс, параллельный прежнему. – Как прочитанное с листа, выпалил Дербенёв.

– Всё правильно, но ты забыл рассказать о работе дизелей или моторов на винт во время манёвра…

– Готов доложить, – смутился Дербенёв.

– Верю, вижу, что готовился, сколько в должности? – запросто, как старинного товарища, спросил Шестаков.

---

[18] СКП специальный навигационный термин – среднеквадратическая погрешность плавания конкретного корабля для конкретных условий

– Пятый месяц, – по-прежнему смущаясь ответил Дербенёв.

– А на боевую службу когда?

– В июле, – бодро доложил Александр.

– Успеете подготовиться? – поинтересовался начальник штаба.

– Успеем, товарищ капитан первого ранга, доковый ремонт завершили, дизеля проверили, батарею поменяли, вчера закончили лечебный цикл осталось подработать навигационный и ракетный комплексы, а также связь…

– Укомплектовать и подготовить экипаж, сдать все задачи, выполнить положенные стрельбы и т. д. и т. п. – продолжил Шестаков, а командир хоть на месте или всё в госпитале, у вас ведь перешвартовка сегодня, кажется?

– На месте! – не задумываясь ответил Дербенёв, хотя Зайков на подъёме флага сегодня отсутствовал…

– Что командира прикрываешь – хорошо, а вот врать старшему начальнику, который с тобой «по душам» разговаривает негоже… Ты или Зайкова ищи, или докладывай Борковскому чтобы кого прикомандировал, понял?

– Так точно, товарищ капитан первого ранга, – отрапортовал Дербенёв.

– Ну, тогда давай свой зачётный лист.

Дербенёв открыл папку и поднёс её на подпись начальнику.

«А некоторые говорят «пьяный с бритвой»… Абсолютно нормальный мужик этот ваш «опасный» начальник штаба! – подумал Дербенёв, выходя из кабинета Шестакова и прикрывая за собой дверь.

Уже на выходе, на парадной лестнице Александр поймал себя на мысли, что всё у него очень хорошо складывается, но стоит поторопиться на перешвартовку, чтобы не подвести командира.

2

– Что у нас с готовностью корабля и буксирами? – поинтересовался у стармеха Дербенёв, спустившись в центральный пост.

– Ты, Александр Николаевич, как настоящий командир спрашиваешь, наверное зачёт начальнику штаба сдал? – вопросом на вопрос ответил Пимах.

– Да, Николай Витальевич, и командиру эскадры тоже!

– Молодец, значит, но и мы не шилом деланные. Моторы и дизеля проверены. Экипаж «к бою и походу готов». Буксиры начали движение в нашу сторону. Только вот настоящая «мама» задерживается. – И тут же прочитав по глазам Дербенёва резонный вопрос, командир БЧ-5 добавил: – Звонил минуты три назад сказал, что выезжает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.